
ПРОТОКОЛ
ЧУЖАЯ ЗЕМЛЯ
ЯН ДУХОВ
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Ян Духов

Протокол "Чужая земля"

«Автор»
2026

Духов Я.

Протокол "Чужая земля" / Я. Духов — «Автор», 2026

Звездолёт «Агамемнон» вёз три тысячи колонистов к цветущей Новой Терре, но прогар реактора запустил аварийный протокол «Чужая земля». Спасательные капсулы выбросило на списанный восемьдесят лет назад рудничный полигон Кеплер-452b.Чугунная гравитация 1.2 g, мороз минус пятьдесят и удушливая серная пыль, сжирающая фильтры за считанные часы. У пожилого инженера Яна Войцеховского, наёмника Марка Трента и девушки-биолога Лизы с последним ростком земной сои есть только старый мультитул, почти пустой карабин и полуразрушенный робот-разведчик «Анубис-9». Чтобы выжить, им предстоит добраться до заброшенного бункера в недрах Чёрной горы — но в её тёмных штреках уже хозяйничают те, кто остался здесь восемьдесят лет назад.

© Духов Я., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Конец ознакомительного фрагмента. 9

Ян Духов
Протокол "Чужая земля"

Глава 1

«Агамемнон» вонял старым подсолнечным маслом, озоном и немытыми телами трех тысяч колонистов, запертых в жилом секторе «С».

Ян Войцеховский лежал на койке и слушал, как в переборке капает вода. Кап. Кап. Кап. Каждые четыре секунды. Он считал их машинально — раз, два, три, четыре, — как когда-то считал шаги до смены, как считал удары молотка в мастерской, как считал всё, что можно считать, чтобы не думать о том, что нельзя изменить.

Вода была техническая, с фторидами. На зубах от неё оставалась меловая поволока, и Ян знал, что это не вода, а так — жидкость. «Гео-Тех» экономила на фильтрах для третьего класса. Для тех, кто продал земной паспорт за двадцать лет на литиевых рудниках Новой Надежды, чистая вода была роскошью. Ян знал расценки. Он сам их подписывал. Мелким шрифтом было написано: «Корпорация не несёт ответственности за вред жизни и здоровью, полученный в результате форс-мажорных обстоятельств». Он тогда посмеялся. Теперь уже не смеялся.

Когда-то, на Земле, у него была мастерская. Маленькая, в подвале, с запахом машинного масла и стружки, с верстаком, который он сколотил сам из старых досок, с полкой, где лежали инструменты — каждый на своём месте, каждый отполирован ладонями до блеска. Он любил эту мастерскую больше, чем квартиру наверху. Жена говорила, что он пропах ею насквозь и никогда уже не отмоется. Она была права. Она вообще часто была права, и это его раздражало, и он говорил ей об этом, и она смеялась, и всё было хорошо.

Жена осталась на Земле. Мастерская тоже. Иногда Ян думал, что жалеет о мастерской больше, чем о жене, и от этой мысли ему становилось стыдно, и он гнал её прочь, и она возвращалась. Но сегодня, лёжа на койке и слушая воду, он думал не о жалости. Он думал о том, что руки помнят работу. Помнят, как держать мультитул, как подкручивать гайку, как находить нужное лезвие на ощупь. И это единственное, что у него осталось. Руки и память. Пока есть руки и память — он жив.

— Эй, дед, долго этот свищ мокрить будет? — хрипло спросили снизу.

Ян не ответил. Свесил ноги, поморщился — колено прострелило. Старое колено, заработанное не в бою, а на погрузке, когда они таскали контейнеры с литием, и он неудачно повернулся, и что-то хрустнуло. С тех пор оно ныло при каждой смене гравитации. Сегодня палуба выдавала повышенные 1.1 g вместо стандартных 0.9, и суставы знали это раньше, чем приборы. Изношенные гравикомпенсаторы нижнего яруса явно сдавали из-за близости к тяжелому приливному хвосту планеты. Ян спрыгнул на грязный пластик пола — липкий, всегда липкий, сколько его ни мой, — и нашарил на поясе старый мультитул с облупившейся краской на рукояти. Рукоять была тёплой от тела. Он сжал её и почувствовал, что может дышать.

— Затяну — вода пойдёт по аварийному контуру в вентиляцию, — сказал он, подкручивая гайку на распределителе. Металл поддавался туго, с сухим скрипом. — Через три дня закашляемся чёрной плесенью. Выбирай, парень: лужа под ногами или грибок в лёгких.

Парень что-то буркнул и отстал. Ян сунул мультитул за пазуху и пошёл в пищеблок.

В пищеблоке сектора «С» было не протолкнуться: обанкротившиеся фермеры из Южной Европы, списанные лунные шахтёры, молодые специалисты — те, что ещё верили в буклеты о «светлом будущем на рубежах». Пахло горячим жиром, кислой капустой и потом — потом сильнее всего, потому что три тысячи человек в замкнутом пространстве пахнут одинаково, и этот запах не выветривается даже через вентиляцию. Ян налил себе серого суррогата из раз-

дачи — кружка была тёплой и скользкой, — и встал у стены, потому что у стены было видно всех.

И увидел Лизу Макарову.

Она вцепилась в белый пластиковый кейс с логотипом Института Биосферы — побелевшими пальцами, не чувствуя, как пластик врезается в ладонь. Напротив неё стоял интендант, лоснящийся, в чистом корпоративном кителе, слишком чистом для этого корабля. За его спиной переминался Марк Трент. Рука в тяжёлой перчатке лежала на рукояти импульсного разрядника высокой плотности, и лежала она там не для красоты.

— Девочка, плевать мне, что там у тебя, — цедил интендант. — Перевес на три кило. Либо платишь марками колонии, которых у тебя нет, либо ящик остаётся в утилизаторе.

— Это не личные вещи! — Голос Лизы сорвался, на щеках выступили пятна. — Это семена морозостойкой сои третьего поколения! Я везу их контрабандой, потому что если мы не высадим их в первом секторе Новой Надежды, у колонии через полгода начнётся белковый голод и безбелковая отечность! Вы даже не понимаете разницы!

— У колонии есть синтезаторы. — Марк шагнул вперёд, тень легла на Лизу. Голос ровный, как компрессор. — Отошла от стойки, гражданская. Задерживаешь очередь. Ещё одно слово — и проведёшь остаток перелёта в карцере на водно-солевом пайке.

— Синтезаторы дают белок, — тихо сказала Лиза. — Не еду. Вы даже не понимаете разницы.

Марк не понял. Или не захотел. Ян отхлебнул суррогата и поморщился — он всегда морщился, но никогда не выливал.

«Дура, — подумал он без злобы. — Земля позади, девочка. Здесь правит не наука — здесь правит балансовый отчёт».

Он хотел ещё что-то подумать — про то, как сам когда-то верил в буклеты, про то, как мастерская на Земле осталась с женой, про то, что всё это уже было и будет ещё не раз, — но не успел.

«Агамемнон» ударило.

Не взрыв — гигантский молот по днищу. Тяжесть пропала мгновенно: желудок рванулся вверх, к горлу. Кружка вырвалась из рук Яна, серые капли повисли в воздухе жирными шариками. Он успел подумать: «Вот и всё, отлетались, старый дурак», — прежде чем палуба дёрнулась вверх и людей швырнуло на потолок.

Кто-то рядом вскрикнул — коротко, оборванно. Ян подумал, что крик этот ему знаком, что так кричал парень с погрузки, когда ему отдавило ногу, и что парня того потом списали на планету, и где он теперь, интересно. Парень не послушал его тогда. Ян сказал ему: «Не стой под контейнером». Он встал. Контейнер поехал. Парня списали. Если бы он послушал — был бы жив. Ян не собирался повторять его ошибку. Ни здесь. Ни сейчас.

Скрежет разрываемого титана. Так лопается перенапряженный силовой шпангоут под давлением — сухой, визгливый скрежет металла, сминаемого в гармошку. Ян слышал однажды подобный хруст в учебке, и с тех пор не любил этих звуков.

— Разгерметизация! — заорал кто-то в темноте. Аварийное освещение вспыхнуло ядовито-красным, и лица людей стали красными, как сырое мясо. — Сектор «Б» сдох! Переборки!

Воздух рванулся в пробитую обшивку. Свист был тонкий, высокий, как комариный, и Ян почувствовал, как уши закладывает, как трещат барабанные перепонки, как воздух уходит — быстро, жадно, — и как вместе с воздухом уходит тепло. Приливные силы разорвали магистральную линию хладагента, и коридор заволокло ледяным азотным туманом. Дышать стало больно, потому что мороз выжигал легкие изнутри. Тяжесть вернулась рывком, сбивая людей в кучу, — пол встал под углом, — и Ян, падая, успел схватиться за чью-то руку, но рука выскользнула, потная, и он покатился, и кто-то наступил ему на пальцы, и кто-то закричал прямо над ухом, и крик этот оборвался.

«Агамемнон» разваливало. Выйдя из гиперпрыжка слишком близко к гравитационному колодцу огромного газового гиганта, баржа попала в приливную ловушку — корпус не выдержал. Ян понимал баллистику этого излома.

«Инженер, — подумал он. — Я инженер. Это значит, что мы все — обломки. Но обломки можно собрать. Если есть руки и память».

— К ботам! — Марк Трент встал первым. В движениях — не паника, холодный инстинкт функции. Он схватил Лизу за шиворот комбинезона, рванул на себя. Она всё ещё сжимала кейс. — Двигай ногами, агроном, если жить хочешь!

— Инженер! — Марк обернулся, нашёл Яна, который поднимался, держась за сломанное ребро. Боль была острой, горячей, живой. — За мной! Живо! Нам нужен техник на ложементе!

Ян не сразу понял: Марк спасал не его. Марк спасал инженера. И агронома с семенами. Остальные — балласт. Это было честно, по крайней мере.

Коридор технического яруса встал. Люди бились в гермодвери — молча, уже без крика, только слышно было, как стучат ладони о сталь, — и этот металлический стук мертвой хватки был страшнее крика.

Они пробивались через технический ярус, где коридор сужался до метра. Марк работал телом и ботинками как таран; Ян — мультитулом, вскрывая заклинившие замки. Пальцы скользили по металлу. Лиза шла между ними, прижимая кейс к груди. Один раз она наступила на чью-то руку — рука не двинулась, и Лиза не вскрикнула, только побледнела.

Какая-то тень ломанулась наперерез, пытаясь оттолкнуть Лизу, чтобы первым добежать до шлюза. Марк, не замедляя шага, коротко и страшно всадил рукоять разрядника беглецу прямо в зубы. Хрустнуло. Парень отлетел к переборке, освобождая дорогу, а Трент уже тащил девчонку дальше.

— Панель заклинило, дед! Срезай стопоры! — Марк намертво заблокировал спиной узкий проход к спасательному боту «Дельты-3», удерживая натиск толпы.

Ян упал на knees перед аварийным щитом шлюза. Пальцы, покрытые черными трещинами сажи, лихорадочно вогнали жало мультитула в сервисный паз распределителя. Металл скользил от пота, в глазах темнело, но инженерная память вела инструмент без дрожи. Физика замка была примитивной: нужно было закоротить приводы до того, как корпус «Агамемнона» окончательно сожмет в гармошку.

Медный контакт выкинул яростный пучок озоновых искр.

Тяжелая круглая створка капсулы неохотно, с визгливым скрежетом титана пошла в сторону. Марк поршневым движением ноги вытолкнул Лизу внутрь отсека, влетел следом и рванул за собой Яна, хватая старика за ворот куртки. Гермодверь бота захлопнулась с глухим, сытым гидравлическим стуком, отсекая крики гибнущего коридора палубы «С». Полная, звенящая тишина герметичного пространства обрушилась на них вместе с диким ревом стартовых ускорителей. Спасательную капсулу сорвало с ложемента, швырнув обломки людей на кресла. «Дельта-3» уходила в багровую бездну Кеплера.

Рывок стартовых двигателей вдавил их в поролоновые ложементы с такой силой, что у Яна перед глазами поплыли серые маслянистые пятна. Внутри капсулы пахло сухой пластмассой, дешевой текстильной обшивкой и нагретой медью. Аварийные диоды «Дельты-3» светили тусклым, ровным зеленым светом — автоматика бота была автономной.

— Живая? — Марк Трент первым сорвал с лица защитные очки, тяжело и прерывисто дыша. На его скуле багровел свежий порез от осколка пластика, но голос оставался монотонным и спокойным.

Лиза Макарова не ответила. Она сидела в соседнем кресле, скорчившись и обняв свой белый кейс обеими руками. Ее колени мелко дрожали, а бледные губы шевелились без звука. Девочка смотрела в круглый иллюминатор правого борта.

Ян Войцеховский с трудом повернул голову, преодолевая тяжесть. За толстым слоем кварцевого стекла разворачивалась багровая, величественная и кошмарная картина космической смерти. Огромная рудовозная баржа «Агамемнон» теперь напоминала разорванную пополам жестяную банку. Приливные силы огромного газового гиганта буквально потрошили корабль. Из разорванного брюха жилого сектора в черную пустоту вакуума нескончаемым потоком вылетали обломки переборок, контейнеры, шмотки и крошечные figure людей в серых комбинезонах. Они вращались в пустоте, как мелкие соринки, мгновенно замерзая и превращаясь в ледяные кристаллы под лучами далекого солнца.

— Отлетались, — тихо, безжизненным голосом произнес Ян, сплевывая кровь на пол капсулы. — Третий класс списан в окончательный убыток. Балансовый отчет закрыт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.